

ФИЛОЛОГИЯ

(шифр научной специальности: 5.9.8)

Научная статья

УДК 811.161.1

doi: 10.18522/2070-1403-2025-113-6-68-73

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ СЕМАНТИКИ ЛОКАТИВНОСТИ В РУССКИХ ПАРЕМИЯХ

© Людмила Владимировна Гриченко

Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

rgrichenko@yandex.ru

Аннотация. Анализируется семантика локативности и средств ее вербализации в русских паремиях. Изучение семантики локативности русских паремий представлено актуальной проблемой, так как позволяет описать существующие в сознании и культуре представления о пространственной локализации, универсальные и этно-лингвоспецифичные средства репрезентации категории локативности в русских паремиях. Показано, что разнообразие прямых и косвенных средств репрезентации семантики локативности отражает конвенционально закрепленные ассоциативные и стереотипные представления о пространстве и их актуализацию в языковой и культурной картинах мира. Утверждается, что образность и метафоричность паремий расширяют набор косвенных средств репрезентации семантики локативности, а также детерминируют актуализацию обобщенной пространственной семантики вне контекста.

Ключевые слова: паремия, локативность, пространство, семантика, лексико-семантическая группа, функционально-семантическое поле.

Для цитирования: Гриченко Л.В. Репрезентация семантики локативности в русских паремиях // Гуманитарные и социальные науки. 2025. Т. 113. № 6. С. 68-73. doi: 10.18522/2070-1403-2025-113-6-68-73

PHILOLOGY

(specialty: 5.9.8)

Original article

The representation of location semantics in Russian paroemia

© Lyudmila V. Grichenko

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russian Federation

rgrichenko@yandex.ru

Abstract. The semantics of locativity and the means of its verbalization in Russian paroemias are analyzed. Russian Russian paroemia locativity semantics is an urgent problem, as it allows us to describe the existing concepts of spatial localization in knowledge and culture, as well as universal and ethno-linguistic-specific means of representing the category of locativity in Russian paroemias. It is shown that the variety of direct and indirect means of representing the semantics of locativity reflects conventionally fixed associative and stereotypical ideas about space and their actualization in linguistic and cultural worldviews. It is argued that the imagery and metaphoricity of paroemias expand the set of indirect means of representing the semantics of locativity, as well as determine the actualization of generalized spatial semantics outside the context.

Key words: paroemia, locativity, space, semantics, lexico-semantic group, functional-semantic field.

For citation: Grichenko L.V. The representation of location semantics in Russian paroemia. *The Humanities and Social Sciences*. 2025. Vol. 113. No 6. P. 68-73. doi: 10.18522/2070-1403-2025-113-6-68-73

Введение

Пространственные отношения издавна привлекали внимание философов, математиков и ораторов. Эпоха античности является началом описания пространственных отношений, а также попыток объяснить пространственные представления в сознании человека. Одним из первых мыслителей, осуществивших попытку описания пространственных отношений, был Аристотель, отмечавший трехмерность пространства. К началу XX в. стало очевидным, что на формирование языковых и культурных представлений о локализации влияет восприятие

пространства индивидом, а также совокупность ряда экстралингвистических факторов, учитывающих бытовые, предметные, социальные воззрения народа.

Системную разработку пространственные отношения и средства их языковой репрезентации получили в середине и конце XX в. Пространство рассматривалось учеными как категория, концепт, сущность, континуум, получая свое описание в рамках различных научных направлений и подходов: «экологическая теория восприятия» Дж. Гибсона, концепция «подсознательного чувства размерности» Э. Холла, «семантическое пространство» в психосемантике В.Ф. Петренко, «социальная топология» П. Бурдье, экологическое и структурное пространство Э. Эванс-Причарда и т.д. [3, с. 8].

Фундаментальным исследованием, в котором вопросы пространственной семантики получили наибольшее освещение, можно считать теорию функциональной грамматики А.В. Бондарко. Рассматривая в рамках функционального подхода семантическую категорию локативности, А.В. Бондарко отмечает многомерность пространства, учитывая его пространственную и территориальную локализацию, а также способность выступать вместилищем событий. Выделенные в рамках данного подхода языковые средства, распределенные по зонам ФСП (функционально-семантического поля) поля локативности, являются отражением в ЯКМ (языковой картине мира) существующих в сознании пространственных представлений: «локативность трактуется ... как семантическая категория, представляющая собой языковую интерпретацию мыслительной категории пространства, и вместе с тем как ФСП, которое охватывает разноуровневые средства языка, взаимодействующие при выражении пространственных отношений» [4, с. 5].

Появление в конце XX – начале XXI вв. новых лингвистических направлений, а также стремление ученых сочетать несколько научных подходов при анализе языковых единиц обусловили многоаспектный анализ языковых явлений. Рассмотрение семантики локативности на стыке таких научных подходов, как когнитивный и формальный, позволило детально проанализировать исследуемую семантику, обнаруживая обусловленность языкового выражения мыслительными представлениями.

Когнитивная обусловленность пространственных представлений в сознании носителей языка, анализ особенностей вербализации пространственных отношений на материале различных языков, а также описание этно-лингвокультурной специфики языковых единиц с опорой на культурную картину мира и пространственный код культуры определяют круг вопросов, к которым обращаются современные исследователи семантики локативности. Анализируя данный феномен в рамках нескольких научных парадигм, современные исследователи часто фокусируются на культурных и когнитивных обоснованиях пространственных представлений, вербализации концепта «пространство» (О.С. Акетина), анализируют смысловое содержание пространственных отношений (Н.Н. Болдырев), рассматривают локативность в функционально-семантическом аспекте (Л.Н. Федосеева). Вместе с тем, несмотря на длительность обращения к вопросам пространственной локализации и их значительную разработку в трудах отечественных и зарубежных исследователей, отдельные аспекты семантики локативности на материале русских паремий представляются мало освещенными и требуют своего комплексного изучения.

Анализ семантики локативности русских паремий в рамках совмещения когнитивного, функционально-семантического и лингвокультурологического подходов представляется особенно актуальным и перспективным, так как позволяет описать существующие в сознании и культуре представления о пространственной локализации, универсальных и этно-лингвомаркированных средствах репрезентации категории локативности в русских паремиях. Учитывая тесную связь сознания, языка и культуры, актуальным аспектом рассмотрения семантики локативности русских паремий выступает анализ когнитивных представлений этноса о пространстве, восприятие пространства как базового понятия мышления, описывающего и упорядочивающего многообразие мира [3], а также описание языковой репрезентации семантики локативности.

Не менее перспективным является рассмотрение пространственного кода культуры на материале паремий, так как восприятие пространства этносом отражает стандартно-бытовые представления нации и ориентацию предметов в пространстве, а семантика и функционирование паремий детерминируются социальными и культурными представлениями языкового коллектива. Таким образом, русские паремии, фиксирующие в своей форме и содержании конвенциально закрепленные представления о пространственной локализации, являются ценным материалом анализа семантики локативности, детерминированной когнитивными представлениями, языковыми возможностями и культурными представлениями.

Целью исследования выступает анализ семантики локативности и средств ее репрезентации в русских паремиях. Особенное внимание уделено выделению средств репрезентации семантики локативности и делению их на соответствующие ЛСГ. Разнообразие прямых и косвенных средств репрезентации семантики локативности отражает конвенциально закрепленные ассоциативные и стереотипные представления о пространстве и их актуализацию в языковой и культурной картинах мира. Методами анализа выступают: описательно-аналитический, лексико-семантический, ассоциативно-семантический, а также элементы лингвокультурологического анализа.

Обсуждение

В паремиях, в отличие от языка в целом, семантическая категория локативности не только отражает перцептивный и социально-бытой опыт народа, детерминируя представления о далеком / близком, своем / чужом и т.д., но и часто выступает аксиологическим маркером, закрепляя в сознании положительно / негативно маркированное отношение к местам и пространственным ориентирам. Реализация паремиями кумулятивной функции также способствует конвенциальному закреплению положительных / негативных представлений о пространственной локализации, так как лингвокультура в совокупности с языком отражают восприятие внешнего мира и существующую в обществе иерархию ценностей.

Традиционно языковые средства репрезентации категории локативности рассматриваются в структуре ФСП локативности, которое включает «комплекс разноуровневых языковых средств, способных к взаимодействию при реализации локативных функций, но не образующих целостную и однородную систему» [4, с. 5]; «средства, передающие ориентацию относительно говорящего или какого-то предмета» [6, с. 43]; «лексику с пространственными и предметными значениями, объединенную в функционально-семантическое поле (ФСП), под которым понимается единство морфологической категории и всех неморфологических (контекстуальных) средств выражения данного значения, в котором словарный материал дифференцируется по функциональной значимости в зависимости от широты и объема значений лексем» [5].

К основным средствам репрезентации семантики локативности в русских паремиях можно отнести:

– именные локативные группы с предлогом: *На этом свете помучимся, на том порадуемся* [2, с. 61]; *Богу молись, а к берегу гребись* [2, с. 61]; *Свет в храмине от свечи, а в душе от молитвы* [2, с. 64];

– именные локативные группы без предлога: *Дело не спорится – углам помолиться* [2, с. 64];

– глаголы с семантикой локативности, определяющие перемещение или положение субъекта/ объекта в пространстве (в том числе, экзистенциальные, позиционные и экспрессивные позиционные глаголы): *Где беда ни была, а к нам пришла* [2, с. 107];

– наречия с семантикой локативности: *Хоть церковь близко, да ходить склизко; а кабак далеконько, да хожу потихоньку* [2, с. 68], *Далеко грешнику до царствия небесного* (с.11); отрицательные наречия: *И крылья есть, да некуда лететь* [2, с. 116];

– придаточные места в СПП: *Не слушай, где куры кудахчут, а слушай, где Богу молятся!* [2, с. 64]; *Где худо, тут и порется* [2, с. 105];

— личные местоимения в косвенном падеже, приобретающие в контексте семантику локативности: *Где беда ни была, а к нам пришла* [2, с. 107].

При построении ФСП локативности на материале русских паремий и распределении средств репрезентации семантики локативности по его зонам целесообразно, на наш взгляд, опираться на точку зрения А.В. Бондарко, указывающего, что ФСП локативности относится к моноцетрическим полям с гетерогенным ядром. Применительно к паремиям попытка выделения архилексем (*пространство, место*), обладающих инвариантным значением локативности, актуализирующими интрапозиции, транслокации, а также любые частные пространственные отношения, не вызывает трудностей и позволяет расположить их в ядре поля ФСП локативности. Остальные конституенты ФСП локативности могут быть распределены по соответствующим лексико-семантическим группам (ЛСГ), однако их упорядочивание в зонах периферии ФСП локативности представляется затруднительным ввиду метафоричности паремий и частой актуализации обобщенной пространственной семантики.

Учитывая, что вербализация пространственной семантики представляет собой описание локаторной ситуации (ориентир, предмет, наблюдателя, субъект действия, точку отсчёта) с опорой на существующие в лингвокультуре «когнитивные представления, основанные на социально-бытовом опыте нации, стереотипах и ассоциациях, детерминированных суевериями, мифами, архаичными представлениями, а также современными воззрениями» [1, с. 79], языковая система обнаруживает как специализированные (прямые) средства репрезентации семантики локативности, для которых актуализация пространственных отношений является первичной, так и несистемные (косвенные) средства, для которых семантика локативности вторична. Так, Л.Н. Федосеева указывает, что конституенты зон периферии ФСП локативности в русском языке могут включать единицы, отражающие событийные, ландшафтные, динамические, параметрические характеристики объектов [5, с. 50].

При обращении к анализу средств репрезентации семантики локативности на материале паремий, на наш взгляд, оправданным представляется подход распределения конституентов поля ФСП локативности согласно следующим критериям: степень выраженности семантики локативности, контекстуальная обусловленность / необусловленность, наличие / отсутствие переносного значения, соответствие формы и содержания: «в силу языковой асимметрии нередко обнаруживается нарушение взаимнооднозначного соотношения между планом выражения и планом содержания» [4, с. 7], последнее ведет к широкому набору косвенных средств репрезентации анализируемой семантики, располагающихся в зонах периферии и крайней периферии ФСП локативности, а также выступает отражением закрепленных в сознании, языке и культурной картине мира представлений о пространственной локализации. Данный подход позволяет распределить средства репрезентации семантики локативности по группам и достичь существенных продвижений в систематизации средств репрезентации семантики локативности на материале русских паремий.

Анализ средств репрезентации семантики локативности в паремиях русского языка позволил выделить следующие лексико-семантические группы, располагающиеся в различных зонах ФСП локативности.

1. Параметрические актуализаторы семантики локативности отражают протяженность (удаленность) по горизонтали (*далеко, размах, близко, ширь, простор, даль*), по вертикали (*верх, низ, высъ*), в глубину (*бездна, пропасть*), включают наречия, а также наименования, связанные с трехмерностью пространства: *Хорошо ширью да высью, а нука рылом в землю* [2, с. 120]; *С верой нигде не пропадешь* [2, с. 64]; *Некуда приклонить буйной головушки* [2, с. 109].
2. Пространственные актуализаторы семантики локативности представлены наименованиями жилищ, улиц без точного указания (*дом, изба, улица, деревня, двор, кузня, кров, пристанище и т.д.*), они характеризуются максимально обобщенной семантикой: *Не каждый конь ко двору приходится* [2, с. 95] *Была у двора масленица, да в избу не зашла* (с. 116). *Все кузни исходил, а на кован воротился* [2, с. 115].

3. Пространственные конкретизаторы семантики локативности представлены топонимами: *Хотел с Москвы сапоги снести, а рад с Москвы голову унести* [2, с. 115]; *Отогрелся в Москве, да замерз в Березне* [2, с. 114], а также сочетаниями притяжательных / личных местоимений с пространственными актуализаторами: *Будет и на нашей улице праздник* [2, с. 93]; *Взойдет солнце и к нам во двор* [2, с. 93].
4. Ландшафтные актуализаторы семантики локативности характеризуют особенности ландшафта (*поле, река, бор, остров, лес, море, скала, берег, утес, овраг, гора, озеро* и т.д.): *С твоим счастьем только в бор по грибы* [2, с. 99], *Без счастья и в лес по грибы не ходи!* [2, с. 99].
5. Ландшафтные конкретизаторы семантики локативности представлены сочетаниями притяжательных местоимений с ландшафтными актуализаторами: *К нашему берегу не привалит хорошее дерево* [2, с. 110].
6. Предметные актуализаторы семантики локативности в паремиях представлены наименованиями предметов быта и утвари, связанны с социальным и бытовым опытом народа, часто являются лингвокультурно-маркированными и вызывают серьезные трудности декодирования: *Что с возу упало, то пропало* [2, с. 100]; *Иного за стол сажают, иного из-под стола гоняют* [2, с. 96]; *Сел подле санок на соломку* [2, с. 121].
7. Предметные конкретизаторы семантики локативности в паремиях включают наименованиями предметов быта, но с обязательным указанием на их принадлежность, нередко характеризуются синкетичной пространственно-предметной семантикой (*ворота, окна, двери, порог, крыльце*): *Взойдет солнечико и над нашими воротами* [2, с. 93]; *Придет солнечико и к нашим окошечкам* [2, с. 93].
8. Динамические актуализаторы семантики локативности репрезентируются глаголами перемещения в пространстве (*выехать, выйти, воротиться, вынести, внести, загнать, завезти, доставить, принести и др.*): *Пошел по шерстя, а воротился стриженый* [2, с. 115]; *Никто от своего року не уйдет* [2, с. 97]; *Ехал к вам, заехал к нам* [2, с. 107].
9. Антропонимические актуализаторы и конкретизаторы семантики локативности в русских паремиях включают антропонимы, термины родства, притяжательные местоимения: *На ту пору мать родила. Не собрав разума в люди пустила* [2, с. 106]; *Корабли пришли, да до нас не дошли* [2, с. 116]; *Через людей в люди выходят* [2, с. 124]; *На бедного Марка все шишки валяются* [2, с. 103]. Учитывая обобщенность семантики антропонимов и терминов родства в паремиях, отнесение их к актуализаторам / конкретизаторам пространственных отношений представляется проблематичным вне контекста, в то время как притяжательные местоимения позволяют конкретизировать семантику локативности.
10. Соматические актуализаторы семантики локативности являются единицами соматического кода культуры, но используются в качестве указателей локации: *Не всякая пулья в кость да в мясо, иная в поле* [2, с. 94]; *Много было докуки, да не пришло в руки* [2, с. 111].
11. Биоморфные актуализаторы семантики локативности также связаны с переносной (метафорической) номинацией пространственных ориентаций и в паремиях характеризуются как средства косвенной пространственной локализации: *Где ворона ни летала, а к ястребу в когти попала* [2, с. 108]. *От волка бежал, да на медведя попал* [2, с. 114]; *Мое счастье разбежалось по сучкам, по веточкам* [2, с. 104].
12. Событийные конкретизаторы семантики локативности репрезентируют события через ассоциативно-образное представление места/ действия / состояния: *Мертвый не без гроба, живой не без кельи* [2, с. 94]; *Кто идет пировать, а мы горевать* [2, с. 110].

Выводы

Таким образом, анализ средств репрезентации семантики локативности на материале русских паремий обнаружил широкий набор языковых единиц, не ограничивающихся единицами пространственного кода культуры и включающими единицы различных кодов культур (соматический, предметный, биоморфный и т.д.), что обуславливает наличие прямых и косвенных средств актуализации семантики локативности различной степени объективности/

субъективности. Пространственные, параметрические, ландшафтные актуализаторы / конкретизаторы локативной семантики обнаруживаются в ядерной, околоядерной зонах, а также в зоне ближней периферии; событийные, биоморфные, антропонимические, соматические актуализаторы / конкретизаторы локативной семантики располагаются в зонах периферии и крайней периферии ФСП локативности. Совокупность средств вербализации семантики локативности вне контекста формально можно разделить на актуализаторы / конкретизаторы локативной семантики, окончательная дифференциация анализируемых средств происходит с опорой на переносное значение и контекст. Образность и метафоричность паремий значительно расширяют набор косвенных средств репрезентации семантики локативности, а также детерминируют актуализацию обобщенной пространственной семантики вне контекста.

Список источников

1. Гриченко Л.В. Представление пространства во фразеологическом фонде английского языка // Гуманитарные и социальные науки. 2023. Т. 101. № 6. С. 77–82.
2. Даль В.И. Пословицы русского народа. В 3 т. Т. 1. М.: Русская книга, 1993. 640 с.
3. Касавин И.Т. Пространство: бытийственная основа знания // Эпистемология и философия науки. 2008. № 4. С. 5–15.
4. Теория функциональной грамматики. Локативность. Бытийность. Посессивность. Обусловленность / А.В. Бондарко, М.Д. Войкова, В.Г. Гак и др. Отв. ред.: А.В. Бондарко. СПб.: Нauка, 1996. 228 с.
5. Федосеева Л.Н. Функционально-семантическое поле локативности в современном языке: система языковых и контекстуальных значений // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2011. № 2. С. 49–53.
6. Федосеева Л.Н. Локативность как одна из важнейших категорий русской лингвокультуры // Вестник РУДН. Серия Лингвистика. 2012. № 2. С. 43–50.

References

1. *Grichenko L.V.* Representation of space in the phraseological fund of the English language // Humanities and social sciences. 2023. Vol. 101. No. 6. P. 77–82.
2. *Dahl V.I.* Proverbs of the Russian people. In 3 volumes. Vol. 1. M.: Russkaya kniga, 1993. 640 p.
3. *Kasavin I.T.* Space: the existential basis of knowledge // Epistemology and philosophy of science. 2008. No. 4. P. 5–15.
4. Theory of functional grammar. Locativity. Existence. Possession. Conditionality / A.V. Bondarko, M.D. Voeikova, V.G. Gak et al. Ed.: A.V. Bondarko. SPb.: Nauka, 1996. 228 p.
5. *Fedoseeva L.N.* Functional and Semantic Field of Locativity in Modern Language: System of Linguistic and Contextual Meanings // Bulletin of Surgut State Pedagogical University. 2011. No. 2. P. 49–53.
6. *Fedoseeva L.N.* Locativity as one of the most important categories of Russian linguistic culture // Bulletin of RUDN University. Series Linguistics. 2012. No. 2. P. 43–50.

Статья поступила в редакцию 14.08.2025; одобрена после рецензирования 28.08.2025; принята к публикации 28.08.2025.

The article was submitted 14.08.2025; approved after reviewing 28.08.2025; accepted for publication 28.08.2025.